

Глава 4. Стратегии выживания

Варлам Шаламов был уверен, что лагерь — это не ад, это слепок человеческого общества. Ему вторил Виктор Франкл, утверждая, что концлагерь был не чем иным, как микрокосмическим отражением мира людей вообще. А в любом обществе жизнь, прежде всего, — борьба за доступ к ресурсам, первым символом которых является пища. Хроническое недоедание приводило к болезням: пеллагре, цинге, куриной слепоте, слабости. Возможность

получить еды немного больше — так называемый дополнительный паек — воздействовала на заключенного сильнее, чем побои или дисциплинарные взыскания. Чтобы получить этот паек, люди боролись за привилегированную работу, что было залогом выживания во всех лагерях. Это работы, не требующие особых физических затрат, например, работа нормировщика, писаря, учетчика. О премиальной пайке за тяжелый физический труд здесь речь не идет.

Что же можно было сделать для улучшения питания? Для дополнительного пайка требовались высокие производственные показатели или особые навыки — профессия врача, опыт фельдшера, умение рисовать или активная общественная работа — стать пропагандистом идей марксизма–ленинизма, участвовать в художественной самодеятельности. Эту лагерную элиту и нарисовал К. Сато, назвав работу «Те, кто выжил» (рис. 24). Среди них Сато перечисляет: врач, переводчик, конторские служащие, повар, артисты и музыканты, активисты и художники-портретисты [Сато: сайт].

Вглядитесь в их лица: в центре — агитатор, врач, артист, передовик, художник и на втором плане хористы. Агитатор с решительным лицом, готовый к разоблачению любого, держит в правой руке красное знамя. Художник с палитрой в руках

также изображен с застывшим взглядом — он давно пишет просталинские транспаранты. Его палитра — красного цвета, как будто он использует только этот любимый коммунистами цвет. Тюбик с краской лежит на палитре словно маленький кусочек черного хлеба с маслом на лакированном подносе. Художника за плечи обнимает травести в женской одежде — с дежурной полуулыбкой на накрашенных губах. Рядом другой артист — в костюме клоуна, маска которого не просто скрывает настоящее лицо, но и имеет нарочито испуганный вид, что дополняют и демонстративно поднятые руки. Опустил свой взгляд лесоруб. Он одет теплее других, единственный из всех надел варежки, ведь работает все время на морозе, в руках пила и топор (который хоть и блестит, но в его руках совсем не похож на оружие), ушанка подвязана под подбородком: сибирский мороз — не шутка. За ним возвышается краснолицый повар, взгляд которого увереннее, чем у многих. Наконец во втором ряду стоят в ряд врач в пенсне и музыканты. Не видны глаза врача — одно стекло бликует, другое стекло не прозрачно, он слишком много знает о статистике смертности, потому что сам вскрывает и зашивает все трупы в лагере, вот и не стремится в первые ряды. Не видны глаза музыкантов, один из которых держит вполне знакомую японцам флейту, а второй — баян, инструмент, на котором его обучили играть в России. У самых задних хористов как будто глаз и вовсе нет: есть рот, чтобы петь или подпевать, и они широко раскрывают свои рты, а остальные части их лиц не прорисованы, поскольку для художника было важно отразить не портреты людей, а их функцию. Люди в последнем ряду очень похожи один на другого, как бы повторяют друг друга. За этим приемом художника открывается степень деперсонализации узников лагеря.

Известно, что взгляд — категория статусная, иерархическая, «смотрение» было привилегией статусно доминирующего мужчины [Кон: 358]. Право смотреть на другого — социальная привилегия старшего по отношению к младшему. И кто же смотрит в глаза зрителю? Повар, уверенный в своем завтраке, смотрит в сторону, он дорожит своим местом и ведет себя по-лагерному осторожно. Член демократического комитета тоже смотрит куда-то в сторону. В глаза зрителю смотрит травести, прячущийся за женской одеждой и женской маской, у которого своего лица как бы нет, а с женщины и нет спроса, как нет спроса с того, кто спрятался за маской Пьеро, певца печали в европейской культуре — смотрят прямо в лицо зрителю те, кто прячет свои лица за масками.

Вслед за Сато показывает свои лагерные типажи Кинси Такэути [Такэути: 71]. Справа мы видим работников кухни, хорошо упитанных и крепко стоящих на ногах, слева — кадры для общих работ, худых и понурых людей в залатанной одежде. Посередине немецкий военнопленный, которому, видимо, труднее всего. Его взгляд обращен на худых, они ему ближе.

1. СМЕКАЛКА И ПЛАНЫ ПОБЕГА

Хитрость названа А.И. Солженицыным необходимой частью лагерной жизни. По «Одному дню Ивана Денисовича» мы видим, как он должен все время рассчитывать, что важно сделать и в какой момент, что кому сказать, когда что прятать и где. Чтобы хоть в какой-то мере защитить свои интересы, надо все время быть начеку, нет ли опасности вокруг. Это свойство — быстро реагировать на изменение ситуации в своих интересах можно называть по-разному — хитростью или смекал-

кой. Но в сложных условиях, когда ты один должен противостоять всему миру, ты мобилизован и натянут как струна. Только от тебя зависит выжить в этом лагерном ужасе; в самой голодной ситуации приходится прибегать и к воровству.

Однако инициативность и смекалка стали чем-то новым для бывших японских солдат, которые были приучены к такому армейскому порядку, при котором солдат опутан целым ворохом инструкций на разные случаи жизни. В итоге он оказывался не способным принимать самостоятельные решения, ведь повиновение выдавалось за главное мужское достоинство [Мещеряков 2012: 366]. Но в лагерных условиях, когда все приказы сверху были направлены во благо СССР, а не во благо императора, инстинкт жизни брал свое, пленные прибегали к смекалке и военной хитрости. Одним из главных был соблазн побега. Хотя советские чиновники хорошо понимали, что везут японских пленных надолго, они при этом не пресекали слухи о скором возвращении японцев. Это делалось для того, чтобы военнопленные не убежали [Като: 55]. Весной 1946 г. Кюзо Като случайно услышал разговор.

Трое пленных тихо шептались... Я думаю, нам надо бежать. Может все-таки рискнуть? Я немного знаю китайский язык. Если мы пойдем на юг, мы можем выйти к Маньчжурии. Если же мы выйдем к Амуру, то и тут нет проблем, мы попросим китайцев перевезти нас на лодке, а там уже будет полный порядок... В то время многие подумывали о побеге, но я никогда не слышал, чтобы кто-то убежал и это хорошо кончилось. Беглецов ловили и иногда расстреливали. Таких примеров было сколько угодно [Като: 62].

Так размышляли и многие авторы воспоминаний. Они все время озабочены тем, как скрыть свое прошлое, например, что ты был полицейским, а не военным. Как раздобыть съестное? Каким маршрутом бежать и с кем? И главный вопрос — стоит ли? Вот краткая хроника подготовки одного побега.

Слышали, что солдат Тезука бежал, и мы обсуждаем, как бежать. Начертили план побега, думали-думали и поняли, что бежать трудно [Ватанабэ: 66].

Мы видим, как трое единомышленников обсуждают план побега ночью, когда спят соседи. Далее Ватанабэ показывает четыре разных плана побега [Ватанабэ: 76].

Из пяти полицейских один отказался бежать. И мы ломали голову, как бежать без него [Ватанабэ: 77]. Наконец, друзья вытащили гвоздь из забора, но помешала случайность — пришел русский солдат и уже 11. Поэтому приходится откладывать. Сегодня уже все. Хорошо подготовимся и будем скрывать не только от русских, но и от других японцев [Ватанабэ: 78].

Однако и в тот раз от побега отказались. Со временем стало ясно, что бежать надо было, пока еще были на Сахалине. Но прошло время, и уже другие пленные решились на побег и делятся своим замыслом с Ватанабэ.

Наш отряд — отчаянные. Мне кажется, что они что-то замышляют. Мне рассказали план побега. Я в нем главный. В подвале мне показали снаряжение для побега. Я удивился. Мои товарищи — шофер, капитан, летчик и строитель. Я им сказал, что план придумать легко, но надо хорошо подумать по существу. План: Хоккайдо, Владивосток, Находка, Раздольное. Топор, компас, мешок с мукой, напильник. План на восток, по берегу на север. Снова на восток. Если есть аэродром, угоним самолет. В октябре ветер будет с запада. Наш корабль будет в Хоккайдо [Ватанабэ: 219].

Вчера вечером мне рассказали план побега. Я не мог решиться. Я спросил совета у Ясуда-сана, самого толкового человека. Он подумал и сказал, что у него есть

жена и дети. Я был разочарован этим ответом. Конечно, все так. Этим вечером я сказал молодым солдатам, что не надо рисковать жизнью. *Молодые солдаты говорят, если я буду главным, они решатся на побег. Как Вы рассматриваете такой план? — Я хочу с вами, конечно, но и у меня жена и дети* [Ватанабэ: 221].

В горах много грибов, винограда и актинидии. Наверное, поэтому они хотели бежать. Мои товарищи Накамото и Нииока несколько дней назад стали обдумывать план побега. И Накамото убежал. На месте работы была паника. Приехали советские офицеры из лагеря. Охрана преследовала беглецов, слышались выстрелы. Нас заставили сидеть на горе три часа, пока не стемнело. Было холодно. В лагерь возвращались бегом. Спрашиваем у Нииока: Вы знали? — *Мне сказали: бежим вместе. Но мне было страшно* [Ватанабэ: 248].

На следующий день после побега мы не работали. После обеда всех собрали. Накамото вернули. Он прошел 4–5 км, там сварил грибы и заснул. А собаки нашли его. Мне кажется, что побег отсюда невозможен. Мне повезло, что я легкомысленно не бежал [Ватанабэ: 249].

Бежали из плена и соратники Я. Казуки.

Когда поезд выехал из Мукдена, вагон был с решеткой. Пленных везли как селедку в бочке. Поезд едет, мы не знаем куда. Он останавливается, и тогда мы обедаем и отправляемся под контролем солдат. Сколько раз мы думали о том, можно ли сбежать, а потом дойти до Кореи. Нет, это невозможно. Местные на нас нападут, или мы сами погибнем от голода и усталости. Но, несмотря на все это, иногда мы слышим, что кто-то бежал. Об этом мы догадываемся по выстрелам и крикам [Казуки: 52].

Только из лагерей Хабаровского края в период с 1 января по 10 июля 1946 г. бежало 152 японца, и 15 из них не были разысканы [Кузьмина: 62]. Как правило, беглецов преследовали и находили, а часто пленные погибали при попытках к бегству. Бывало и наоборот: 7.12.1945 г. вахтер Якимов из лагерного отделения № 7 лагеря № 20 преследовал трех сбежавших японцев, которые убили его прикладами [ОСФ ИЦ УВД ХК. Ф. 11. Оп. 3. Д. 5. Л. 62. цит. по: Кузьмина: 63]. Арестовывали и беглецов, и тех, кто им помогал: *два беглеца, четыре арестованных* [Уэцухара «То» (2)].

2. ЧЕРНЫЙ РЫНОК

Черный рынок возникал стихийно как порождение человеческих потребностей и возможностей и играл в экономике лагеря важную роль, несмотря на строгие запреты. Свой черный рынок существовал и в ГУЛАГе, и в лагерях ГУПВИ. Как констатировал Ё. Уэцухара на карте «Хо» (1): если что-то нужно, выменяй это у кого-нибудь, а саму карту подписал: *приобретают необходимые вещи через «менять»*.

Мелкие бытовые вещи и одежду можно менять на хлеб и махорку. Цена всегда разная и зависит от вещей, от человека и времени. Официально обмен запрещен, но многие этим активно занимаются. Все было можно, если охрана не видит [Ооути: 71].

Иногда мы надевали под пальто куртку или оборачивали тело брюками, чтобы что-то вынести из лагеря и обменять. Но если конвой находил, то отбирал. Охотнее всего люди меняли японские фуросики. Маленький карандаш можно поменять на хлеб [Ооути: 72].

Среди пленных находились прирожденные торговцы. Ё. Уэцухара замечает об одном таком: *не зная языка, торгуется лучше, чем переводчик* [Уэцухара «Ва» (2)].

Продавали хлеб, который приносили в лагерь, обменивая вещи. Один кусок черного хлеба стоил 15 иен, белого — 20. Говорили, что хлеб пекли на лагерьной кухне. Есть люди, у кого были вещи для обмена, но заниматься их продажей они не могли. Появились перекупщики, которые покупали вещи у таких людей [Ооути: 83].

Мало было найти нужную вещь, надо было также и договориться о цене. Для этого нужно было и рассказать о достоинстве своего товара

На базаре продавали почти всё понемногу — игрушки, конфеты, сладости, одежду, орехи, картошку, хлеб, грибы. В то время 3 кг черного хлеба стоили 60 руб. [Ооути: 121].

Раз в неделю нам выдавали сахар в размере маленькой ложки. Я менял сахар на сигареты или хлеб [Сато: 25].

В магазине за горой я подарил мыло продавщице. Взамен получил поваренную соль. Эту соль я занес в лагерь в шапке. Одного куска мыла хватило на 6 месяцев, мы ели вкусную соленую еду [Ватанабэ: 235].

Рыба нужна? Мальчик ест семечки, женщина сушит грибы. — Здравствуйте, ботинки нужны? — Очень хорошие, 30 рублей. — 20 рублей и кило картошки. Все радуются. Туда — соленая рыба, обратно — картошка [Такэути: 194–196].

3. ВЕРА, МОЛИТВА

Религиозные чувства также помогали пленникам выживать. В самых трудных ситуациях, когда нависала опасность, когда в душе было пусто, особенно после гибели товарищей, многие пленники прибегали к молитве.

Одна из программных работ Сибирской серии Ясуо Казуки называется «Огни кармы». В соответствии с буддийским мироощущением он воспринимает страдания пленных в СССР как очищающий огонь кармы. Таким образом, автор признает бесчинства солдат Квантунской армии над мирным местным населением Маньчжурии. Буддийские молитвы смягчали страдания в драматических ситуациях.

Вдруг я испугался. Мой взор столкнулся с мертвым деревом. На нем висело тело моего уставшего жить соратника. Я молча помолился за него и за его душу, чтобы она вернулась быстрее к матери, на родину [Хисанага: 70].

Упоминает буддийские практики и Ё. Уэцухара. На карте «У» пленные «хором поют буддийскую молитву—сутру Ханья сингё» [Уэцухара «У» (1)].

Много наших товарищей погибли от голода, замерзли в холода. Я видел в небе полет их душ на восток, по направлению к Японии. Я молился всем синтоистским богам, испрашивая спасения от этого ада, но все было напрасно. Конец января 1946 г. [Ёсида: 140].

Если есть Бог, я в него поверю, пожалуй, если меня отправят на последнем судне [Ватанабэ: 337].

Находка. Чудо. 26 октября. Уже 6-й день в Находке. До сих пор все было в порядке. Я шел в третий лагерь и остановился отдохнуть на пляже. Здесь я услышал удивительный рассказ одного пленного, что сидел рядом со мной, фамилия которого тоже была Ватанабэ. Его допрашивали вместо меня. Я вздрогнул. Если никого не будет рядом, на пляже в Находке я помолюсь. Через 10 часов я могу *домой*. Красное солнце поздравляет меня. *Ватанабэ-сан, меня допрашивал следователь в больнице. Полдня допытывался, не полицейский ли я. Но я — продавец лыж в г. Асакихава. Я плакал полдня без перерыва.* Было опасно. Мое имя было Ёсио Ватанабэ. Сложные иероглифы [Ватанабэ: 347].

Важным фактором выживания был настрой человека, помогавший узнику бороться с апатией и возбуждением, которые возникали от длительного недоедания и недосыпания. Если узник мог настроить себя на сочувствие товарищу, на помощь ослабленному или больному, это способствовало его выживанию. Таким образом, он втягивался в сеть дружеских контактов, которая поддерживала потом его самого.

4. ЯПОНИЯ ЗА ПАЗУХОЙ

Японские элементы в быту неизбежно проявлялись в повседневной лагерной жизни. Тот японский колорит, который воспроизводился за колючей проволокой, пленные пронесли в Сибирь в своей душе, в своих руках. Даже когда состав из 50 вагонов двинулся на запад, Нобуо Киути шутит, обращаясь к образам театра Кабуки: «Уж не девушка ли О-Кару едет в том паланкине?».

В сознании советских людей существовали самые распространенные стереотипы о Японии, во многом благодаря торговым контактам, а также русско-японской войне 1905 г.

Микадо, гейша, Фудзияма, дзюдо, харакири. Славяне знают эти слова. Но когда дошло до сумо, оказалось, что никто хорошо не разбирается в правилах. Даже проиграв, говорили «спасибо» [Киути: сайт].

Несколько раз в году агитбригада дает спектакли. Они поют японские песни, танцуют японские танцы и исполняют японские спектакли. Зрители, глядя на них, забывают о норме, голоде и о пленном статусе. Но ничего не сделаешь. После того, как эти веселые выступления заканчиваются, вдруг, как туча, наплывает чувство тоски по родине. Этой ночью, как обычно, во сне видел старую мать, жену и детей. Когда проснулся в темноте и увидел прямо над собой потолок, закричал в сердцах: хочу вернуться [Хисанага: 58].

Довоенную жизнь, свободную и сытую, можно было почувствовать частично во время спектакля, особенно на сцене, ну и, разумеется, во сне. Известно, что человеку часто снится то, что он подсознательно желает. Поэтому многие видели во сне родной дом, мать,¹² жену и детей и, конечно, обилие еды. Вот и Ё. Уэцухара изображает сон пленного: *Встреча с женой и ребенком во сне* [Уэцухара «Цу» (1)].

Человек принадлежал себе только во сне. Эти часы были особенно счастливыми, если в ночных видениях являлись родной дом, жена, дети [Такасуги. Ч. 4: 120].

После обеда задремал. Снилось родня. Когда дремлешь — как будто ты в раю. И вдруг крик: пора на работу. Снова возвращаюсь в реальную жизнь, то есть в ад [Ооути: 70].

Во сне чувствуешь себя человеком. Каждый вечер с интересом ложусь спать, и мне часто снится, что хожу в гости к родственникам и ем много разной снеди [Ооути: 84].

12 Японские матери также видели во сне сыновей. Нобору Накамура пришел во сне к матери, одетый в гражданскую одежду, которую мать сшила ему перед уходом на фронт. Утром 10 марта 1946 г. она сказала родным, что во сне он появился и ушел за буддийский алтарь, должно быть, его больше нет в живых. Через 60 лет родные получили медицинскую карту военнопленного Накамура, дата смерти подтвердилась. ПМА. Интервью с Т. Накамура. Саппоро. 2015.9.9.

Иногда воспоминания содержат сны, в которых уже обосновались охранники. Это пленные, как позже И. Бродский, впустили «в свой сон вороненый зрачок конвоя».

Во сне иногда неожиданно появляются охранники. Люди не доверяли друг другу, иногда ненависть возникала из-за мелочей. Вообще не было человеческих правил. Очень скучал по дружбе, вспоминались друзья-однокурсники. Особенно грустно, когда среди ночи нужно в туалет, просыпаешься и обнаруживаешь, что ты в лагере, а не во сне [Ооути: 141].

Япон, дзюдо. Вообще-то, это сумо, но советский офицер сказал — дзюдо. Сильно не старайся, проголодаешься [Такэути: 81].

На одном из архивных рисунков мы видим, какое удовольствие получают пленные во время любительского спектакля на тему из самурайской жизни. Самурай с голой грудью под распахнутым кимоно стоит с обнаженным мечом в левой руке и кинжалом в правой руке [Ф. 4/п. Оп. 30я. Д. 19. Л. 52]. В лагерях пленные ставили спектакли по японским мотивам, например, сказку о воробье «Сита-кири-судзумэ», сцены из романа Коё Одзаки «Конзики-яся».

Когда шел затяжной дождь, особенно в вечернее время, пленные могли отдыхать. В это время популярностью пользовались люди, умевшие занимательно пересказывать по памяти литературные произведения. В ГУЛАГе это называлось «тискать романы». Люди, умевшие рассказывать как Шахерезада, пользовались особыми привилегиями, они были под патронажем криминальных лидеров, поэтому получали дополнительную еду, их не могли обижать другие заключенные. В сообществе японских пленников, видимо, все ограничивалось символическим капиталом — уважением окружающих. На рисунке К. Такэути видно, как большой барак буквально застыл, став благодарной аудиторией:

У Каджиро Сасаки меч длинный как шест для сушки. Именно Каджиро поднимает свой меч... (Миямото Мусаши). — Это самый хороший момент [Такэути: 116].

Разыгрывали представления и сами пленные, иногда не на сцене, а для себя и узкого круга случайных зрителей. На другом рисунке К. Такэути пленные на поле собирают подсолнух, одновременно разыгрывая сценки: один солдат как самурай мечом рубит подсолнух. Его товарищ справа предупреждает: внимание, начальник идет — останови спектакль [Такэути: 114].

На Новый год не было никаких революционных спектаклей. Играли «Конзики-яся», пели японскую песню «Токийская рапсодия». Комитет выделил игральные кости и доску для го как приз [Ооути: 141].

Впервые за много лет я услышал старинную японскую песню. Мы давно поем только революционные или советские песни. Кто-то тихо пел в поле. Когда я подошел, он перестал петь. Наверное, боялся, что его может услышать кто-то из актива [Ооути: 162].

На рисунке Такэути мы также видим, как пленники показывают свои достижения в разных областях, почти как на лагерной «ВДНХ», создавая важные для них образы: один — японский миниатюрный сад с Фудзи-сан в центре, другой вылепил портрет японской медсестры [Такэути: 79].

Надо отметить, что в ГУПВИ все было организовано, как и в ГУЛАГе — и концерты по праздникам, и стенные газеты, и политинформации. Но в ГУЛАГе работу

мастеровых — резьбу по дереву, вышивание и проч. — присваивали начальники, и до выставок дело не доходило. Пленники в свободное время жили так, как привыкли до службы в армии, — японская традиция проявлялась всюду, где можно было отвлечься от лагерной жизни. Они исполняли новогодние ритуалы, играли в свои игры, изготавливали из глины подобие рисовых лепешек «мочи» и видели в случайном рисунке пепла карту Японии. Некоторые ритуалы вначале держали конвоиров в напряжении.

1 января 1946 г. Давно не было выходного дня. Конечно, мы были голодными, но собрались во дворе и встали в ряд. Мы прочли солдатскую присягу по пяти пунктам, молились за спокойствие императорского дворца и желали своим семьям благополучия. Но советская администрация решила, что японские солдаты с кличем «банзай» пойдут в атаку как камикадзе или сделают харакири. Поэтому на горе установили пулемет, и охрана приняла боевой порядок [Ватанабэ: 202].

Наши тела постепенно окрепли. Рабочая норма не очень строгая. Мы, конечно, не ели вдоволь, но особенно не голодали. В горах много съедобных трав, мы сделали карточки для игры «100 стихов — 100 поэтов» и играли в мажонг. Карточки и игральные кости сделали вручную, без оборудования; советские люди удивлялись [Ватанабэ: 246].

1 января 1947 г. Мы ели рисовую кашу впервые за долгий период. Мы собирали рис целый месяц, и из-за этого японские повара имели проблемы с администрацией. Но, к сожалению, это количество насыщает только на 40%. В парикмахерской мы побрились. Поклонились на дом императора и на родину. Первого января в этом году на горе нет пулемета, как в прошлом году. Солдаты тоже живут в обычном режиме [Ватанабэ: 257].

1 января 1948 г. Синтоистский алтарь Аматерасу омиками. *Хочется поскорее домой. — Японский бог, амен, понимаешь. Наверное, не понимаешь. — Охранник: японский микадо, самурай, банзай, харакири.* В Советском Союзе у нас нет возможности отметить Новый год. В этом лагере тоже мы постепенно накопили рис и сахар и ели вареный рис в металлических банках. Радовались как дети. Мы взяли белую глину и сделали *моти*. Еще мы сделали из глины апельсины и покрасили. Мы молились за скорое возвращение. Начальник лагеря майор Казак хотел забрать домой *осонаэ моти* из глины [Ватанабэ: 304].

Сидели кругом и разговаривали, вспоминая родину. Зимой быстро темнеет. В 5 часов вечера уже темно. Лампочки не было, и мы жгли березовую кору, которая плохо горит и коптит. После работы все устали. Трудно говорить, но вокруг печки говорили о родине, о работе, о пище, о семье. Руки протянуты к печке. Казалось, это какая-то карта. Вот Японское море, вот Япония, вот префектура Ямагути [Казуки: 78].

5. ЛЮБОВАНИЕ КРАСОТОЙ

Любование красотой быстротечности жизни — один из принципов японского габитуса. Любование сакурой или другим цветком подразумевает понимание и примирение с тем, что человеческая жизнь так же коротка, и об этом надо помнить. Это составляющая культурного капитала, который получили все японские дети в семье и школе. Как и в традиционном японском стихотворении, в рисунках пленных или комментариях к ним обязательно присутствует элемент, вызывающий у читателя ассоциации со временем года и определенным настроением. Японцы ценили не только природную красоту, но и красоту в искусстве. Миллионы советских людей прошли

лагеря, из сотен их воспоминаний, в которых немало лиричных страниц, любованные красотой природы по дороге на работу или с работы, во время долгой поверки встречается не часто.

Я лежал в темноте, уставший, и услышал в глухом лесу тихие звуки песни, которые постепенно приближались и становились громче. Мужской хор звучал гармонично, как голос небес. Это пели русские заключенные, которые шли этапом. Я был взволнован этой песней [Хисанага: 48].

Под сверкающей Полярной звездой. Сибирское небо в мороз очень красивое. Сверкающие созвездия позволяют забыть, что мы в плену. Нас привлекает непостижимость. Под этим же небом и моя родина. Я снова затосковал о ней [Саго: сайт].

В каждом местном огороде рос подсолнух. Его цветы смотрят на юг. Семечки подсолнуха были ценным источником питания для русских. Они щелкали семечки и выплевывали шелуху. Для нас этот большой цветок — цветок ностальгии [Саго: сайт].

Сибирское лето красивое, хотя и короткое. Я не могу забыть краткую летнюю красоту сибирской природы. Это и есть красота звезд. Выйдя из барака, полног зловонными запахами пота, лег снаружи барака, в прохладе. В небе начинают мигать звезды одна за другой, очень быстро. Во всем небе переключка звезд. Мы любовались красотой, которая нас связывала с Японией. Но не могли забыть реальность плена. Когда гляжу, очень ясно вижу ограду. В Сибири я был отделен от звезд колючей проволокой [Казуки: 84].

По часу дежурили ночью на морозе -20 и провожали до туалета тех, кто страдал куриной слепотой. Было нелегко. При виде прекрасной луны на небе я начинал хлюпать носом, и слезы тут же замерзали на моих щеках. *Для солдата проигравшей страны полная луна слишком красива* [Киути: сайт] (рис. 25).

В японской культуре была широко распространена практика любованием ночной природой из отхожего места, в которой по-дзенски сочетаются высокое и низкое, духовное и телесное. В известном эссе Дзюньитиро Танидзаки «Похвала тени» описаны достоинства японского туалета, подобные которым легко можно было найти в любой точке мира. Считалось, что «для достижения удовольствия нет более подходящего места, чем японская уборная: здесь человек, окруженный тихими стенами с благородно простыми деревянными панелями, может любоваться через окно голубым небом и зеленой листвой» [Громковская: 39].

Подобные практики оказались возможными и в зимнем сибирском лагере. На карте «Ко» мы видим пленного, который ночью облегчает мочевый пузырь, одновременно любуясь «замерзшей Большой Медведицей» [Уэцухара «Ко» (2)] (рис. 26).

Жемчужина сибирской природы Байкал не мог остаться без внимания пленных эстетов. Он произвел впечатление и на Исаму Ёсида.

Мы стояли на озере Байкал, самом большом пресноводном озере в мире. Он был огромный, просто удивительно огромный. Поверхность покрыта толстым слоем льда, и так как грузовик двигался быстро, это было действительно захватывающе. Интересно, если бы японцев так перевозили в грузовиках... Мы стояли безмолвно, наблюдая, как грузовик лихо уносится прочь. Что за огромные поверхности! Ледяная поверхность замерзла так, будто волны были взорваны на ветру. Это был великолепный вид природы [Ёсида: 188].

В приведенных ниже отрывках видно, как восхищение красотой переходит в другие добрые чувства и дает силы пленному, ему снова хочется жить.

Я был голоден каждый день, мерз и уставал. Иногда думал, что лучше умереть, чем так жить. Может, встать под падающее дерево? Но когда

увидел, как падает снег с веток, и представил, как падает на меня дерево, вспомнилась мать. Решил, что надо вернуться домой во что бы то ни стало [Ооути: 77].

Луна похожа на лед. На фоне луны видна тень охранника. Вспоминается старое японское стихотворение «Если бы луна была зеркалом...». Наверное, дома все спят [Ооути: 70].

Заканчиваем работу в колхозе только что выученными русскими словами «до свидания», «спасибо». Красный закат поистине красив. Небо Восточной Европы отличается от неба Маньчжурии... [Киути: сайт].

Карасиво, — сказал Хасэгава, показывая рукой на бегущие тени, на силуэты лиственниц по скалам. Он покачал головой. — Кент! Рокуэлл Кент! — Правда, похоже, — обрадовалась я. И подумала: не надо много слов, чтобы понять друг друга, нужны общие ассоциации, они международны в определенном культурном слое. И у меня их больше вот с этим японцем, чем с бакенщиком Сергеем [Гаген-Торн: 388].

Однако иссякают силы и для любования красотой. Моринари Ооути описывает, как при возвращении на родину у пленных не хватало эмоций для переживания радости при виде родного пейзажа.

На фоне ясного неба видна зелень японской горы. Если бы мы их видели три года назад, все кричали бы «банзай!». Два года назад плакали бы. Год назад радовались бы, плечом к плечу. Сейчас никто ничего не выражает. Конечно, все радуются, но это не видно. Как будто парализованы [Ооути: 183].

6. ГАДАНИЕ И АМУЛЕТЫ

Амулеты были практически у каждого японского солдата. Но так же как и сам амулет прячется от чужих глаз, эта практика не была заметна. Лишенный привычной среды и близких людей, пленник в бесправной тяжелой ситуации хотел защиты, пусть и символической. Защитой им стали солдатские амулеты: квадратные лоскуты

с японским флагом или иероглифом «сила», с *йосегаки* или *сен-нин-бари*, пояса с вышивкой тысячью стежками, которые были в вещевом мешке каждого солдата. Одни получали эти талисманы во время проводов в армию, другие — уже на фронте как подарок далекому защитнику родины от женщин Японии, подобно теплым носкам и кисетам, изготовленным советскими женщинами для красноармейцев на передовой. Пояса производились промышленным образом, но стежки делали вручную родственники и знакомые солдата. В фильме «Письма с Иводзимы» (реж. Клинт Иствуд, 2006 г.) показано, как верит молодой парень в то, что такой амулет защитит, ведь «лучшей “защитой” от вражеской пули всегда считался нателный пояс с вышитым тигром» [Мещеряков 2012: 401]. Амулеты с пожеланиями специально готовили для каждого новобранца. Солдата поздравляли с переводом

в казарму, ему желали, чтобы пуля пролетела мимо, чтобы благополучно вернулся домой, чтобы совершил подвиг. Солдаты шли в атаку с амулетами на теле и верили, что хиномару или ниссёки спасет жизнь. Конечно, когда эти амулеты оказывались на головах советских девушек, пленные удивлялись (рис. 27). Карта «Си» (1): *Тяжелая работа переводчика. Течет липкий пот. Вместо платка — флаг, а он не может объяснить. На русской женщине повязан японский флаг ниссёки. Действительно, объяснить, что квадратный лоскут — это символ государства и потому на голове ему не место, владея несколькими бытовыми фразами, довольно сложно. Профанация государственного символа бытовым употреблением была невольной.*

Девушка, которая повязала хиномару как платок. Из-за плохого состояния экономики русские девушки любят носить японские флаги с подписями. Наверное, эти флаги им дарят советские солдаты. Ни разу не слышал, чтобы японцы меняли флаг на хлеб и сигареты [Саго: сайт] (рис. 28).

Киёси Саго намекает, что амулеты были конфискованы охранниками у японских пленников во время досмотров и от них перешли к советским девушкам. Купить платок было трудно, а текстильные амулеты имели близкие женским головным платкам размеры. Так сакральный предмет в одной культуре становился бытовым в дру-

гой. Кто-то из пленных пытался исправить ситуацию. Так, капитан Мацуо зарыдал, увидев, что уборщица на лесопилке повязала на голову флаг Японии, выменял у нее флаг на фуросики из шелка [Такасуги Ч. 3: 104].

Для Казуки амулетом стала бережно хранимая совместная фотография с женой.

Каждый солдат без исключения имел что-то вроде амулета. Я никогда не верил в богов, но у меня был амулет, приготовленный моей женой. А еще полоса ткани сэнинбари. Третий амулет — старая фотография, мы с женой. Я положил эту фотографию в портсигар, который с первого дня никогда не отрывался от моей кожи, прошел через плен и вернулся домой. Мне казалось, что фотография говорит: обязательно вернись живым. Это отражает что-то, что следит за делами человека и поддерживает его сердце [Казуки: 38].

Когда мое тело было крепким, я был недоволен богами. Но я ослаб, и мой настрой тоже. Я снова надел талисман тети [Ватанабэ: 212].

В лагерях было распространено и гадание Коккури-сан. Коккури-сан в мифологическом сознании — это дух лисы, собаки или енотовидной собаки. После ритуального кормления дух отвечает на вопросы. Для гадания необходимо приготовить большой лист с написанными хираганой буквами, цифрами от 0 до 9, а также словами «да» и «нет», могут быть слова «мужчина» и «женщина». В центре сверху изображены тории, синтоистские храмовые ворота как ворота в иной мир, мир духов. В сложных вариантах добавляют иероглифы — дружба, проклятие, смерть, любовь и др. Для гадания нужна монета в 10 иен. Обычно три человека в сумерки садятся, указательными пальцами одной руки касаются монеты, которая лежит на воротах, и начинают вызывать: Коккури-сан, Коккури-сан, появись, пожалуйста. Если ты здесь, то встань на слово «да». Когда монета оказывается на слове «да», ей задают вопросы.

О лагерных практиках Коккури-сан пишет Ооути.

Коккури-сан — гадание. Вы откуда? — Маока (Сахалин). — Когда мы вернемся домой? — В третий день следующего месяца. В разных бараках активно занимались Коккури-сан. У дежурных по кухне часто появляется лиса, потому что они дают ей бобы. Лиса вначале съедала всю еду, потом говорила. Вдруг приказ об отъезде. Это было 3 ноября, как Коккури-сан сказала. Может быть, домой? Половина людей ушла по морозу, но неизвестно куда [Ооути: 53–54].

Кроме вызывания духов пленные часто обращались к гаданию по руке. Как известно, в хиромантии насчитывается пять основных линий — линия судьбы, линия сердца, линия жизни, линия счастья и линия Меркурия — и несколько дополнительных. Однако лагерный гадающий увидел на ладони пленного и линию *Домой*.

По вечерам гадатели иногда бесплатно гадают. Находят линию *Домой* или говорят, какой работой лучше заниматься после возвращения. Или про семьи, которые остались в Маньчжурии, или как поживают родственники в Японии. *Гадающий: линия, означающая Домой, говорит, что ты может быть вернешься домой в ноябре* [Такэути: 88].

Я гадал, и выходит, что вернусь домой через 3 недели. — Может, и вправду вернешься [Киути: сайт].

Смотри, журавли летят. Это хорошая примета [Такэути: 200].